

А. Н. Веселовский

Этюды о Мольере. Мизантроп
(Опыт нового анализа пьесы и обзор
созданной ею школы)

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-3
ББК 84
В38

В38 **Веселовский А.Н.**
Этюды о Мольере. Мизантроп: (Опыт нового анализа пьесы и обзор созданной ею школы)
/ А. Н. Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2024. – 208 с.

ISBN 978-5-518-06235-1

ISBN 978-5-518-06235-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Мизантропъ Мольера—одно изъ тѣхъ избранныхъ созданій человѣческой мысли, которыя съ необыкновенно возбуждательной силой способны увлекать изслѣдователя въ разностороннѣйшія разысканія и соображенія. Стоитъ прикоснуться къ такому произведенію,—и точно вѣщая, сказочная сила неотразимо манитъ всмотрѣться въ глубину его, разглядѣть всѣ нити, связывающія его и съ стариною и съ потомствомъ; вереница вопросовъ и общихъ, широкихъ, и чисто-спеціальныхъ, возникаетъ сама собою. Вмѣстѣ съ тѣмъ живо чувствуется, что это созданіе давно минувшихъ лѣтъ не можетъ утратить своей свѣжести и для новѣйшихъ поколѣній, что они въ состояніи находить въ немъ отзвукъ своихъ собственныхъ заботъ и стремленій; съ интересомъ видишь, какъ каждое изъ нихъ возвращается къ нему, пытается усвоить его себѣ, вложить въ него новое содержаніе—и такимъ образомъ мало по малу обрисовывается одно изъ многовѣковыхъ теченій въ умственной жизни человѣчества.

Но, подвергаясь издавна тщательному анализу, *Мизантропъ* только въ наши дни начинаетъ высвобождаться изъ тенетъ формальной эстетической критики. Еще не замолкли старые споры о томъ, задуманъ ли былъ Мольеромъ характеръ главнаго героя пьесы въ смыслѣ лица чисто-комиче-

скаго, осужденнаго на смѣхъ зрителей, или же въ Альцестѣ собрано все, въ чемъ автору грезился идеаль мужественнаго поборника правды и честности. Еще недалеко отъ насъ то время, когда настоящую комедію можно было разсматривать какъ спокойно-объективное произведеніе, вѣрное старому ложно-классическому пошибу, — когда большинство цѣнителей пьесы принимало въ букввальномъ смыслѣ ея заглавіе и искало въ ней изображеніе судьбы „ненавистника людей“. Лишь съ той поры, когда изученіе біографіи Мольера сдѣлало серьезные успѣхи, и задушевная исторія поэта стала доступна нашему пониманію, и Мизантропу придано истинное его значеніе; въ немъ начинаютъ видѣть искреннѣйшую авторскую исповѣдь, выразившую сполна недовольство существующимъ порядкомъ вещей, и отразившую въ судьбѣ героя сердечное горе автора. Передъ этимъ непреложнымъ фактомъ должны были постепенно замолкнуть догадки о *комизмѣ* Альцеста, и его реформаторскія стремленія, опередившія свой вѣкъ, выступили ярко наружу. Невозможно было болѣе толковать и о ненависти къ людямъ при видѣ страданій человѣка, который готовъ всю душу положить за возрожденіе человѣчества.

Приходилось пересмотрѣть укоренившіеся предвзятые взгляды и сужденія, и на мѣстѣ ихъ возвести новое объясненіе пьесы, основанное на точныхъ данныхъ и психологически-вѣрное

Такова была задача, которую мы поставили себѣ въ настоящей монографіи. Прежде всего пришлось опредѣлить мѣсто, занимаемое вообще мизантропіей въ ряду многочисленныхъ проявленій пессимизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ отличить и въ этомъ душевномъ настроеніи различныя характеристическія оттѣнки, отъ прямо болѣзненной ненависти до честнаго негодованія, которое само по себѣ служитъ источни-

комъ горячей и благородной дѣятельности. Альцестъ могъ подойти лишь къ послѣдней разновидности основного типа; мы убѣждаемся на каждомъ шагу, что прозвище мизантропа придано было ему подѣ вліяніемъ рутины, за отсутствіемъ иного, болѣе вѣрнаго термина. Сосредоточенный мыслитель, неудавшійся общественный дѣятель, другъ правды, онъ былъ столько же отраженіемъ новаго типа людей, уже выдвигавшихся въ обществѣ временъ Мольера, какъ и выразителемъ убѣжденій самого поэта—и поэтому необходимо было характеризовать подобныя личности, и вмѣстѣ съ тѣмъ возсоздать настроеніе самого Мольера въ пору появленія Мизантропа, одну изъ наиболѣе тяжелыхъ во всей его жизни. Семейная драма, испытанная Мольеромъ, дала затѣмъ окончательно ключъ къ фабулѣ его пьесы.

Самостоятельная и въ сильной степени субъективная, она не имѣетъ такой богатой исторіи предшествовавшаго развитія типа, какою, напримѣръ, надѣленъ *Тартюффъ*; заимствованія и точки соприкосновенія ея съ источниками не многочисленны. Тѣмъ не менѣе важно было точно опредѣлить степень ея самостоятельности, и преимущества пониманія Мольеромъ того характера, который до него изучали такіе соперники, какъ Лукіанъ, Корнель или Шекспиръ. Установивъ такимъ образомъ независимость мольеровскаго творчества, мы шагъ за шагомъ изучали затѣмъ всѣ частности комедіи, отъ характеровъ и плана ея до мелочей слога, и рассмотрѣли различныя теоріи, въ разное время возводившіяся комментаторами пьесы. Но она богата не только этимъ запасомъ пояснительныхъ матеріаловъ, неразлучнымъ съ каждымъ крупнымъ литературнымъ произведеніемъ. у Мизантропа (опять въ противоположность Тартюффу) есть обширное литературное послѣсловіе, длинный рядъ попытокъ потомства акклиматизировать, переработать, присвоить его се-

бѣ. Этотъ эпилогъ пьесы мы старались вставить въ культурно-историческія рамки, объяснившія различныя, съ виду капризныя, колебанія въ симпатіяхъ общественнаго мнѣнія и критики.

Но въ этомъ литературномъ потомствѣ Мизантропа самымъ свѣтлымъ явленіемъ выступаетъ произведеніе, особенно дорогое русскому человѣку,—грибоѣдовское *Горе отъ ума*. Составляя неотъемлемую подробность общей картины, оно заслуживало вмѣстѣ съ тѣмъ особаго изученія, и съ живымъ удовольствіемъ мы заканчиваемъ свою работу опредѣленіемъ той тѣсной духовной близости, которая соединяетъ произведеніе стараго французскаго комика съ классической русской комедіей. Безъ *Альцеста* не было-бы, можетъ быть, и *Чацкаго*, — и это не малая заслуга въ ряду достоинствъ, присущихъ Мизантропу.

Такимъ образомъ настоящая работа соединяетъ общія психологическія наблюденія съ критическимъ анализомъ текста, и результатами сравнительнаго изученія старается подкрѣпить данныя исторіи новой культуры. Во всѣхъ направленіяхъ давала сильный импульсъ эта богатая содержаніемъ, оживляющая умъ и не старѣющая пьеса. Да и могутъ ли старѣть пьесы, такъ глубоко подмѣтившія основныя черты человѣческаго духа! Могучимъ рѣзцомъ проведены въ нихъ сатирическія черты, и въ мысли потомка невольно оживаютъ онѣ, когда текущая злоба дня снова принимаетъ ту же складку, которую пришлось наблюдать старому автору. Слишкомъ двѣсти лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ эпохи *Тартюфа* и *Мизантропа*, и различіе національности и бытовыхъ условій рѣзко бросается въ глаза,—но кто-же, напримѣръ, видя успѣхъ различныхъ *Тартюффовъ* въ русскомъ обществѣ, не готовъ будетъ иной разъ повторить и теперь суровыя порицающія рѣчи мольеровскаго „мизантропа“!

Для работы нашей мы пользовались, кромѣ книгохранилища парижской Национальной Библиотеки, богатою по исторіи стараго театра Библиотекой Арсенала и цѣннымъ пособіемъ архива Théâtre français; съ признательностью вспоминаемъ мы о радушной помощи такихъ знатоковъ дѣла, какъ Эд. Тьерри, Поль Лакруа, и редакторъ перваго журнала, посвященнаго Мольеру, Жоржъ Монваль. •

I.

Въ области человѣческихъ міровоззрѣній съ незапамятной поры происходитъ борьба двухъ крайнихъ, непримиримо враждебныхъ ученій, обладающихъ одинаково чудотворной особенностью погружать все земное или въ непроглядную, безразсвѣтную тьму или же озарять все живущее свѣтлымъ, даже ослѣпительнымъ, нестерпимымъ солнечнымъ блескомъ. Одно изъ нихъ склонно считать положительнымъ лишь страданіе и горе людское, другое, подъ знаменемъ безсмертнаго доктора Панглосса, считаетъ данный міровой строй наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. По временамъ одна сторона одерживаетъ верхъ, — и этимъ торжествомъ она всегда обязана тому складу, который приняла окружающая жизнь: дружный порывъ общественныхъ силъ къ обновленію внушаетъ лучшимъ людямъ радужныя надежды на осуществленіе своихъ идеаловъ, тогда какъ давящая реакція, коль скоро ей удастся глубоко пустить корни, стать явленіемъ хроническимъ, погружаетъ цѣлыя эпохи въ тьму безотраднaго уныніа и безпомощности. Но въ исторіи человѣчества рѣдки свѣтлыя эпохи возрожденія, когда становится отраднo жить и дѣйствовать, когда возможна искренняя, почти дѣтски - наивная довѣрчивость; пора первыхъ освободительныхъ торжествъ реформаціи, сверженіе старыхъ боговъ энциклопедизмомъ и провозглашеніе первыми двигателями революціи правъ личности и народа — такія эпохи въ состояніи вовлечь не только сочувственную массу, вообще весьма расположенную къ усыпляющему сознанию благополучія, но и ея вождей, въ миражъ оптимизма. Безмѣрно

щедрѣе судьба на періоды застоя, борьбы противъ этихъ освобождающихъ ученій, попытокъ повернуть жизнь вспять, — и въ этой затхлой атмосферѣ широко разростается царство пессимизма, бьющагося въ отчаяніи объ эти препятствія и доходящаго въ наши дни до грандіозно-чудовищнаго Гартмановскаго проекта самоубійства всего человѣчества, вмѣстѣ съ гибелью земного шара ¹⁾.

Потому-то пессимизмъ имѣетъ за собой такую долгую и сложную исторію, ²⁾ которую не можетъ похвалиться противоположное ему крайнее ученіе. Горькое разочарованіе въ людяхъ слышится намъ чуть не на первыхъ же ступеняхъ исторической жизни человѣчества, которая уже въ безхитростную эпоху стараго еврейства является для иныхъ *суетою суетъ*, и отвращеніе къ злу, царящему надъ міромъ, сближаетъ между собою самыя отдаленныя эпохи. „Того быть не можетъ, чтобъ честнаго человѣка не раздражало зло“, говорилъ еще Теофрастъ, а за нимъ и Сенека ³⁾; „кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ въ душѣ не презирать людей“, повторилъ за ними много вѣковъ спустя нашъ Пушкинъ, подъ вліяніемъ одной изъ тѣхъ тяжелыхъ минутъ тоски, о которой свидѣтельствуютъ его элегіи. И та же нота будетъ неотразимо преслѣдовать насъ въ произведеніяхъ всѣхъ временъ и народовъ, — если только въ характерѣ ихъ авторовъ уцѣлѣло хоть сколько нибудь энергіи, чуткости къ людской неправдѣ, и чувства независимости. Мы видимъ безконечныя варіаціи на одну и ту же тему: зрѣлище зла *должно возмущать* честнаго человѣка, а масса зла, переполнившая мѣру и торжествующая, должна возбудить въ немъ

---

1) Онъ подробно развитъ въ третьемъ томѣ Философіи Безсознательнаго.

2) Новѣйшее время было очень богато изслѣдованіями о пессимизмѣ, но они большею частью ограничивали историческую часть весьма скромными размѣрами (какъ это дѣлаетъ наприм. Солли или Каро) и предпочитали останавливаться на изученіи отдѣльныхъ системъ, и то преимущественно лишь Шопенгауера, Леопарди, Гартмана. Такимъ образомъ связанная исторія постепеннаго развитія пессимистическихъ воззрѣній еще впереди.

3) De ira (Соч. Сенеки, изд. Гаазе, 1852, стр. 46).

презрѣніе къ людямъ, ко всей ничтожной, суетной человѣческой породѣ. Въ этихъ варіаціяхъ много весьма тонкихъ оттѣнковъ; болѣе ровныя натуры останавливаются на общемъ чувствѣ брезгливости и находятъ — высшую мудрость въ философскомъ отдаленіи отъ зла; они могутъ найти счастье на лонѣ деревенской природы, — куда спасутся, отрясая съ ногъ своихъ, какъ прахъ, всю суету людскую. Скептикъ въ родѣ Эразма или Ларошфуко, въ негодованіи, возведетъ въ систему черствый эгоизмъ людской или заразившей всѣхъ духъ притворства, объяснить имъ всѣ наши душевныя движенія, не оставивъ мѣста никакимъ безкорыстнымъ побужденіямъ. Душевно больной Тимонъ аѳинскій, въ припадкѣ мрачной, почти звѣрской ненависти къ вѣроломнымъ друзьямъ, готовъ находить наслажденіе въ лютой мести и отдается самымъ низкимъ влеченіямъ. Авторъ Гулливерова путешествія доведетъ до позорной микроскопичности всѣ мнимовулканическія или же идеальныя страсти и помыслы, владѣющіе человѣчествомъ, и покажетъ намъ тотъ омутъ, въ которомъ оно вращается. Любой представитель новѣйшей разочарованности, отъ Сень-Прэ и Вертера до дермонтовскаго Героя нашего времени, презираетъ по своему и людей, и общество, и часто ищетъ себѣ избавленія отъ гнета жизни въ пистолетномъ выстрѣлѣ. Наконецъ это презрѣніе и вѣра въ неисходность страданій складывается въ осмысленную философскую систему Шопенгауера, со всѣми современными ему и позднѣйшими его послѣдователями, которые, отрекаясь отъ всякой личной инициативы, сознавая полную невозможность прогресса, рѣшаютъ старый Гамлетовскій вопросъ или въ пользу совершеннаго *не бытія*, или, что еще мучительнѣе, въ пользу смерти заживо, буддійской *нирваны*.

Всѣ эти люди, какъ ни разнородны кажутся они намъ на первый взглядъ, — члены одной большой семьи: у нихъ общее вѣроисповѣданіе, часто сходные пріемы; но темпераментъ, степень нервной чувствительности, цѣпь различнѣйшихъ вліяній среды, воспитанія, традицій, дѣлаютъ потомъ изъ однихъ — фанатиковъ пессимизма, не вѣрящихъ въ по-

лезность борьбы, изъ другихъ — сатириковъ, наставниковъ народа, изъ третьихъ — *героевъ* своего времени, гибнущихъ жертвой общественной несправедливости. Обычныя сужденія массы о людяхъ и оттѣнкахъ мнѣній постоянно смѣшиваются этихъ представителей пессимизма, неразборчиво придавая имъ то одно, то другое изъ отличительныхъ прозвищъ, выработанныхъ вѣковою наблюдательностью. Тѣ же самые признаки въ челоуѣкѣ приводятъ къ награжденію его иногда титуломъ скептика, иногда же прозвищемъ мизантропа и т. п. Въ одну категорію мизантроповъ относятъ и шекспировскаго Тимона и мольерова Альцеста, несмотря на крупное ихъ несходство, — и въ тоже время никто не отнесетъ къ той же категоріи Печорина, для котораго есть опять свое особенное прозвище.

Нигдѣ въ такой степени не чувствуется эта паразитическая шаткость номенклатуры, какъ въ приложеніи къ одному изъ характернѣйшихъ проявленій пессимизма, воплощенному въ героѣ лучшаго изъ мольеровскихъ созданій, — къ мизантропіи. Выдѣляя изъ только что обозрѣнной нами обширной группы пессимистовъ тѣхъ людей, чьимъ отличительнымъ оттѣнкомъ признана нелюдимость и ненависть къ челоуѣчеству, мы становимся прямо, лицомъ къ лицу, съ вопросомъ, опредѣлены ли еще специфическія свойства этого болѣзненнаго состоянія, имѣемъ-ли мы вѣрное мѣрило мизантропическихъ убѣжденій, достаточно-ли растяжимо ходячее обозначеніе челоуѣка, презирающаго людей, *мизантропомъ*, чтобъ охватить собою всѣ видоизмѣненія, которыя способны принимать подъ вліяніемъ различныхъ условій этотъ основной типъ. Поэтому для насъ необходимо прежде всего разсмотрѣть современное положеніе даннаго вопроса.

Уже давно высказывалась мысль, что этотъ старинный греческій терминъ (отъ *μισος* — ненавидѣть, и *ανθρωπος*) сталъ слишкомъ неясенъ и одностороненъ. Издатель сатирическаго журнала *Le Misanthrope*, выходившаго въ Гаврѣ въ началѣ прошлаго столѣтія, ¹⁾ хотя и избралъ его для заглавія сво-

¹⁾ *Le misanthrope*, par Mr. V. E. (Van Essen), nouvelle édition (2-e) revue et augmentée de plusieurs discours importants, a La Haye, chez Jean Ne-